

Текст издания: "Н.Г. Помяловский "Сочинения", библиотека "Огонек": Правда, Москва; 1949.

Оригинал здесь: <http://lib.aldebaran.ru/>.

У Тарантова родился сын. Дали ему имя Вукол. Вукол не обещал ничего красивого в своей особе: голова у него была большая, нос плоский, уши маленькие, туловище несоразмерно велико, а ножки коротенькие. Но при всем том он был ребенок здоровый. Что еще сказать о человеке, когда он только что явился на свет? Некрасив и здоров - вот и все... Будет ли он умен, добр, счастлив? - бог знает!.. Станут бить его по голове, - вырастет дураком, хотя б и не родился им; будет воспитывать танцмейстер, - выйдет из него кукла; откормят на краденые деньги, - отзовется и это. Трудно показать и объяснить влияние внешних обстоятельств на голову и сердце человека. Может быть, человек глупеет и черствеет еще в колыбели. Бог знает, какое влияние имеет на ребенка глупая рожка няни, физиономия папаши часто с отсутствием образа божия, грязная соска, табачный запах, визг и слезы братцев и сестриц и тому подобные буколические обстоятельства, на которые чадолюбивые и сердобольные родители, домовладыки и цари семейств часто не обращают никакого внимания. Все это, без сомнения, уродует человека. Но несомненно и то, что иногда при неблагоприятных обстоятельствах человек развивается счастливо. Часто и семья, и товарищество, и обстановка, и все случаи жизни, и даже прирожденные наклонности, наследственная порча - все направляет человека ко злу; но какая-то спасительная сила противодействует всему, и образуется человек умный и счастливый. Все это идет к тому, что о ребенке ничего нельзя сказать наперед, что из него выйдет. Итак, Вукол некрасив и здоров - вот и все пока о нем. Впрочем, при рождении ребенка обращают внимание на разные приметы и предзнаменования. Вукол родился в сорочке, с длинным пупком, день рождения был скоромный и число дня четное - все это, по мнению повивальной бабки Анны Ивановны Штотиной, предвещало ребенку счастливую будущность. Но дядюшка Вукола Семен Иванович думал иначе. "Ну что ты, братец, за кличку дал своему чаду, говорил он отцу Вукола Антипу Ивановичу: - да ты вникни в это слово!.. Вукол!.. вслушайся в это слово хорошенько... Вукол!.. в угол!.. кол!.. ха-ха-ха! Ведь это, братец ты мой, престранное слово. А ну-ко, покажи его. По шерсти, по шерсти, брат, кличка. Именно Вукол... Не хорошо, нет, не похвально, что обзавелся таким сокровищем". Семен Иванович продолжал до тех пор свою бесцеремонную речь, пока не был приглашен замолчать. Но вот нелюбезный дядюшка уехал, и Вукол стал безбидно вырастать среди мирной и достаточной семьи своей. Отец с удовольствием носил его на руках, что наконец обратилось у него в привычку. Мать целовала его без отвращения. Няня, старуха Акулина, любила Вукола, как свое дитя. Она, бывало, качает его да приговаривает: "Ах, ты, голубчик мой, некрасив ты, да это ничего, был бы здоровенек. Батюшка, Вукоша, о-о-о!" Под песни и ооканье старой Акулины Вукол засыпал сладко. Проснется он, - няня делает ему зайчика, показывает, как сорока кашу варила, вместе с ним хохочет старуха и прыгает. Безобразия своего Вукол не понимал. Увидев себя первый раз в зеркале, он смеялся, весело кричал и махал ручонками: ему было хорошо. Раз только дьяконский сынишка, увидав его, закричал: "ой, какая харища!" и швырнул в него грязью.

Так и подрастал наш Вукол. Вот уже наступил ему пятый годок. Отец его однажды читал книгу, но вдруг зашатался и грянулся на пол. Мать и нянька стали хлопотать и плакать. Пришел доктор, еще много какого-то народу. Все о чем-то расспрашивали, смотрели папу и потом писали на бумаге, а мама все плакала. Страшно стало Вуколу. Но что это делают с папою? - положили его на стол, накрыли золотым одеялом, вокруг зажгли восковые свечи. Пришли священник и дьячок; ходят они вокруг папы; читают они что-то да поют. Около риз священника дым вьется, а в руках гремят золотые цепочки кадила. Хорошо стало Вуколу. "Няня, посади меня к папе". - "Папа умер", - ответила Акулина. Вукол, будто поняв беду, крепко прижался к няньке и зарыдал... Похоронили папу. Помнит Вукол, что много у них было гостей, и что ему понравилась кутя и блины.

Прошло еще два года с немногим. Вуколу семь лет. В семь лет ребенок понимает многое, он обнаруживает уже характер свой, который часто трудно переломить, который не поддается ни убеждениям, ни пряникам, ни розге. Недаром же человеку прощаются грехи только до семи лет: значит, за многое он может отвечать в этом возрасте... Вукол по природе был добр и не глуп. Мирная жизнь, ласковое воспитание, доброта матери и няни, пример в лице их - все это возбуждало в нем чувство добра.